

ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«ТОМСКИЙ ОБЛАСТНОЙ РОССИЙСКО-НЕМЕЦКИЙ ДОМ»
ФГАОУ ВО «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ
КАФЕДРА МУЗЕОЛОГИИ, КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ
В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПАЛИТРЕ
ТОМСКОГО СЕВЕРА:
ПАРАБЕЛЬСКИЙ РАЙОН

Издательство Томского университета
2015

О.М. Рындина

ПОСЛЕДНИЙ ПАРОХОД, ИЛИ ОДА МАТЕРИ* (о Райсе Фёдоре Фёдоровиче)

Фёдор Фёдорович – человек хорошо известный и уважаемый в Парабели. Он 10 лет возглавлял Центр немецкой культуры в селе, много сделал для её возрождения. О своей семье, работе и о себе написал в сборнике «Нетленна лишь память»¹ и по этой причине неохотно назначил нам встречу для беседы. Но как только во время неё речь зашла о матери, Фёдор Фёдорович оживился, потоком полились воспоминания. Чувствовалось, что сын и по сей день в неоплатном долгу у матери, и его рассказ – хотя бы частичное исполнение этого долга.

По мнению Фёдора Фёдоровича, судьба жестоко обошлась с его матерью, Марией Христиановной, и ничего хорошего она за всю жизнь не видела. Родилась в Поволжье, в селе Беккердорф Марковского района, в семье Христиана Финка, росла вместе с младшей сестрёнкой. В 1917 г. на фронт Первой мировой войны забрали её отца. В бою он получил смертельное ранение. Умирая, завещал находившемуся рядом с ним Ивану Петровичу Лиру позаботиться о его жене и дочерях, стать им мужем и отцом. Уверял, что лучшей опоры его семье не найти. Так и получилось. В совместном браке родился сын. Иван Петрович хорошо, ровно относился и к приёмным дочерям, и к родному сыну. В строгости их держала мать – бабушка Фёдора Фёдоровича.

Дочь Мария выросла, пошла в школу, где училась вместе с мальчиком по имени Фёдор Райс. Став взрослыми, оба обзавелись семьями. Мария родила и потеряла двух сыновей, а затем и мужа

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири», № 14-01-00263.

¹Райс Федор. Сага о сибиряке немецких кровей. История семьи Федора Райса // Нетленна лишь память. Судьбы российских немцев Парабельского района. □ Парабель, 2012. □ С. 37–39; *Он же*. Как все начиналось... Истрия создания Центра немецкой культуры в с. Парабель // Там же. □ С. 40–42.

и в 27 лет осталась вдовой. Фёдор бросил семью и ушёл к ней. Их брак не мог быть оформлен официально, так как Фёдор не развёлся с первой женой. Однако это не стало помехой для новой семьи. Вскоре, в 1940 г., родился сын Фёдор, и всё внимание и любовь матери достались ему.

На Волге родители жили очень хорошо. Колхоз был миллионером, в нём было всё – свиньи, куры, утки. Председатель Финк дважды направлял делегации в Москву на Всесоюзную выставку достижений народного хозяйства. В состав второй делегации включили и мать Фёдора Фёдоровича, но она в это время была беременна и не смогла поехать.

Отец был «великим столяром и плотником». Для своей семьи он построил большой добротный дом. Бабушка вечерами угощала помощников-строителей: доставала из погреба солёные арбузы, открывая 4–6-ведёрные бочки, ставила на стол копчёное сало с хлебом и самогон. Для своей семьи она готовила «шпитцен» – блюдо наподобие компота с галушками. Часто тушила, точнее томила, в печи мясо с картошкой. Чугун, предназначенный для тушения, она привезла из Поволжья в Сибирь, но продала, чтобы приобрести продукты. Позднее, после депортации, в доме Лира разместились местная власть – сельсовет.

С началом Великой Отечественной войны отца забрали в трудармию, через 2–3 месяца отправили на шахту в Красноуфимск Свердловской области. Сначала он писал родным, а затем перестал. Лишь спустя много лет, в 1967 г., Фёдор Фёдорович узнал обстоятельства его смерти, встретившись с приехавшим в Нарым другом отца. Будучи могучего телосложения и веся более 90 кг, отец выполнял в шахте двойную норму, а паёк получал наравне со всеми. Он буквально сгорел от невыносимо тяжёлого физического труда, в одночасье похудел и умер. Умирало там много народу: по 5–7 человек закапывали в землю ежедневно. Увидев Фёдора-сына, друг проследил: настолько он был похож на Фёдора-отца, разве что в свои 27 лет отец был пошире в кости.

Марию Христиановну с сыном Фёдором, родителями и родственниками депортировали в Сибирь. Везли в «телячьих» вагонах. В пути многие умирали. Удивительно, как выжила бабушка. Сначала немцев расселили в Новосибирской области. Чтобы не раскидали родных, дед всех записал на свою фамилию – Лир. Всех вместе и отправили в один колхоз. Он был крепкий, собирал хорошие уро-

жаи, и колхозники в нём не голодали. Лирам в колхозе нравилось. Однако через год, в 1942-м, семью, как и многих других немцев, погрузили на баржу и повезли в Нарымский край.

Сначала высадили в Берёзовке. О ней у Фёдора Фёдоровича осталось одно сильное воспоминание: большой барак, посередине – печка, а возле неё сидит его мерзнувшая бабушка. Чтобы согреться, она толкала ноги прямо в печку. Вскоре бабушка умерла, и маленький Фёдор запомнил, как дед строгал доски для гроба. В Берёзовке потеряли и родную сестру Марии Христиановны с племянницей. Они отравились грибами. Толком в них не разбирались, а есть было нечего. Пошли в лес, насобирали грибов, отварили их, съели и – умерли. С тех пор мать Фёдора не прикасалась к грибам.

Из Берёзовки направили в Нарым. Высадили холодной порой на берег, в тьму гнуса. Переселенцы сами рыли «землянки» – сооружения с дощатыми стенами, окном и крышей, присыпанные землёй. В одной землянке жили 4 семьи, посередине стояла большая железная печь. Здесь потеряли дедушку.

Напротив Нарыма, на острове, располагался Шпалозавод. Мать с Фёдором переселились туда: работа там была тяжелее, но платили больше. Мать согласилась на тяжёлую работу, чтобы лучше обеспечивать сына. Она буквально тряслась над ним. Дед Иван сказал ей после выселения: «Война будет долгой, ничего не жалея, всё отдай, но сын должен выжить». На Шпалозаводе поселили в бараке на 10 семей. Никаких перегородок не было, и кровати молодожёнов отгораживали пологам. Чудом стало переселение в 24-квартирный дом с коридорной системой и отдельными комнатами для семей. Это было уже «цивилизованное жильё».

Детство Фёдора прошло на Шпалозаводе, а в школу он ходил в Нарыме. Когда Фёдор пошёл в первый класс, он по-русски говорил с акцентом. После 4-го класса обучение вели учителя-предметники. Русский язык и литературу в классе Фёдора вела Ираида Александровна. Хотя среди учеников треть составляли немцы, особую строгость она проявляла именно по отношению к Фёдору: заставляла зубрить правила, стихи, много читать. Даст задание, запрет в классе и – уйдёт. Однажды он сбежал через форточку, люто ненавидя учительницу. Она же сделала своё дело: Фёдор стал лучше всех писать сочинения, исчез акцент. Однажды, на вечере встречи выпускников, он спросил учительницу, почему она была так строга к нему. «Чувствовала, что из тебя может выйти толк», – был ответ.

В Нарыме немцев встретили, как врагов, так как шёл второй год войны и многие семьи уже получили похоронки. Ребятишки бились смертным боем: одни – обзывая «проклятыми фашистами», другие – протестуя.

Обычно спецпереселенцы жалуются на комендантов, но среди них встречались и порядочные люди, например Константин Новосельцев на Шпалозаводе. Когда у Марии Христиановны ухудшилось здоровье, она попросила перевести её на более лёгкую работу. Начальник в грубой форме отказал. Встретивший её комендант остановил, расспросил, а узнав, в чём дело, приказал начальнику перевести мать на другую работу.

На Шпалозаводе на Рождество славили. Этим занимались подростки 8–13-летнего возраста, ребята постарше уже стыдились этим заниматься. Ходили поодиночке. Мать рано будила Фёдора, чтобы он приходил первым и обязательно получал подарки. Она назвала сыну фамилии немцев-лютеран, которых нужно было навестить. Фёдор ходил с сумкой. Входя в сени, громко декламировал текст на немецком языке, который велела заучивать наизусть мать, громко стучал ногой в дверь или бил колотушкой, шумно предупреждая хозяев о своём появлении. Входя в дом, повторял заученный текст с благопожеланиями. Хозяева благодарили за них и дарили конфеты, разнообразную выпечку. Всё это складывалось в сумку. К концу обхода она у Фёдора была всегда полной, и он спешил домой поделиться подарками с матерью. Кто поздно вставал – приходил с полупустой сумкой. Вечером накануне Рождества мать обязательно стряпала.

На Новый год было принято дарить подарки, как на дни рождения. Обычно дарили самые необходимые вещи; туфли нужны – дарили туфли, а также конфеты, яблоки, которые тогда были необычайной редкостью. На Пасху мать стряпала пасху.

Оказавшись в Сибири, немцы стремились заключать браки внутри этнической группы. Два года дружил с немецкой девушкой Эрикой и Фёдор, но затем встретил русскую девушку Валентину. Мать первое время закатывала настоящие истерики, пыталась расстроить их дружбу и брак, но возникшее чувство оказалось сильнее. Вообще, как заметил Фёдор Фёдорович, русские девушки стремятся выйти замуж за немцев, а немецкие парня – взять в жёны русских девушек. Со своей супругой, Валентиной Николаевной, Фёдор Фёдорович неизменно идёт по жизни рядом. У них сын Сергей, военный комиссар Парабельского рай-

она, и дочь Елена, учитель русского языка в Парабельской средней школе, взрослые внук Андрей и внучка Екатерина.

Мать Фёдора Фёдоровича была человеком глубоко верующим, лютеранкой. Перед едой и после обязательно читала молитву. Из Поволжья она привезла в Сибирь молитвенные книги. Последнюю из них Фёдор положил с ней в могилу. Когда начала складываться партийная карьера сына, она сняла со стен все иконы, стала прятать свои религиозные чувства, боясь навредить ему.

Внучку Фёдора Фёдоровича крестили в 1991 г. по православному обряду в церкви, находящейся в Каргаске. В Парабели он не нашёл общего языка с батюшкой, который поставил ему условие – посещать лекции в церкви. Атеистическая натура Фёдора Фёдоровича не могла принять это условие. Хотя его в младенчестве и крестили в лютеранском доме на родине, но с юношеских лет он отошёл от веры. Более того, обучаясь в Омске в партшколе, он с энтузиазмом дискутировал с семинаристами и часто выходил победителем в диспутах. Дело в том, что здания семинарии и партшколы располагались напротив, и учащиеся при любой возможности выкрикивали друг другу провокационные вопросы.

Мария Христиановна так и не примирилась с Сибирью. Когда паром, завершая навигацию, уходил из Парабели в последний рейс, то на прощание он давал длинный гудок. Немецкие женщины выстраивались на берегу и, провожая его, рыдали назврыд, ежегодно ощущая безысходность разрыва с большой землёй и малой родиной – Поволжьем.

Фёдор Фёдорович, вся жизнь которого прошла в Нарымском крае, сделал здесь блестящую карьеру: почти параллельно окончил Омскую советско-партийную школу и Томский педагогический институт, был рекомендован на партийную, затем административную работу и в 1997 г. ушёл на пенсию с должности первого заместителя главы Парабельского района. Награждён медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «90 лет ВЛКСМ», «Ветеран труда», «Екатерины Великой» и полагающимися к ней золотыми часами. Фёдор Фёдорович сроднился с этой на первый взгляд неприветливой землёй, укоренился в ней. Он – заядлый рыбак и охотник. Покидать свой край и переезжать в Германию не собирается: «Я обязан этому району, думаю, что и он кое-чем обязан мне». Оставаясь верным своей земле и делам, Фёдор Фёдорович всё же питает надежду, что когда-нибудь жизнь здесь станет не хуже, чем в Германии.